

ТАТЬЯНА КОРСАКОВА

королева мистического романа

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного
Хозяйка колодца
Третий ключ
Дом у Чертова озера
Пепел феникса
Волчья кровь
Слеза ангела
Печать василиска
Проклятый дар
Музы дождливого парка
Самая темная ночь
Час перед рассветом
Ведьмин клад

Смертельное танго
Ты, я и Париж
Судьба № 5
Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Паутина чужих желаний
Вранова погоня
Сердце ночи
Лабиринт Медузы
Темная вода
Снежить

ЦИКЛ «ТАЙНА ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма!

ЦИКЛ «ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака
Цербер-хранитель
Один сон на двоих

ЦИКЛ «СТРАЖЕВАЯ БАШНЯ»

Свечная башня
Светочи тьмы

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ТЫ, Я
И ПАРИЖ

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Редактор серии *Е. Дмитриева*

Художественное оформление серии *Е. Петровой*

Корсакова, Татьяна.

К69 Ты, я и Париж / Татьяна Корсакова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-202219-7

Когда Ян из подслушанного разговора врачей узнал, будто жить ему осталось всего ничего, молодой человек понял — надо перестать мечтать о Париже, а немедленно туда ехать! Решено — сделано, тем более и попутчица нашлась — девушка Тина, любительница готических нарядов, похожая на диковинную черную птицу.

Но ни Ян, ни Тина и догадываться не могли, какие испытания им уготованы в древней столице любви.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корсакова Т., 2024

© Оформление.

ISBN 978-5-04-202219-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Часть 1

УВИДЕТЬ ПАРИЖ...

Любопытство сгубило кошку. Так говорят. Яна тоже сгубило любопытство. Или любопытство ни при чем? А впрочем, что уж теперь?..

Он всегда был крепким малым, за все свои тридцать два года ни разу не болел ничем серьезнее простуды. Он думал, так будет всегда. А месяц назад началось это...

Когда подружка Алина жаловалась на головную боль, Ян сочувствовал: делал ей расслабляющий массаж, мотался в круглосуточную аптеку за таблетками, терпеливо выслушивал стоны и жалобы, но до конца весь масштаб проблемы не понимал. Ну, болит голова, ну, подумашь! Поболит и перестанет, не велика печаль!

Оказалось, что велика. Оказалось, что головная боль — это очень серьезно и очень неприятно. Особенно когда это ТВОЯ головная боль.

Началось все с похмелья. Накануне они знатно отметили тридцатилетие Шурика, лучшего друга и делового партнера по совместительству. В вопросах развлечений Шурик не ведал компромиссов и если уж расслаблялся, то по полной про-

грамме. А тут тридцатник, круглая дата — сам бог велел!

Расслабились они с Шуриком так знатно, что наутро Ян не помнил почти ничего из случившегося минувшей ночью. Последним более-менее ясным воспоминанием была стриптизерша, зависшая на шесте в такой диковинной позе, которую Ян даже на трезвую голову не решился бы повторить. А дальше полный провал: выплясывающий джигу под его бедным телом диван, раскачивающаяся люстра и адская головная боль. Люстра походила на его собственную, из чего Ян сделал вывод, что верный Шурик не бросил беспамятного друга в ночном клубе, а доставил домой. Это радовало, вселяло оптимизм и укрепляло веру в непоколебимость настоящей мужской дружбы. Вот только головная боль...

Черт! Разве может быть так больно?! Ощущение такое, словно черепушку набили ржавыми гвоздями и обрезками арматуры, а бедным Яновым мозгам совсем не осталось места. Ему даже думать было больно! И глазами двигать! А уж про то, чтобы встать с дивана, и речи не шло.

Он решил, что это похмелье — законная плата за хорошо проведенный вечер, что нужно просто подождать, и все само собой рассосется. Ну, может, само и не рассосется, но если процесс чуть-чуть ускорить, то уж точно.

В холодильнике нашелся кефир, предусмотрительно запасенный еще со вчерашнего дня. Ян выпил его залпом, недовольно поморщился от но-

вой волны боли, вернулся на диван. Все, теперь осталось только ждать, когда рассосется.

Не рассосалось. Через два часа ожиданий стало только хуже, и Ян не выдержал, проявил душевную слабость. Убеденный противник всякой там «химии», он вдруг поймал себя на мысли, что мечтает о таблеточке аспирина. Американцы считают аспирин панацеей от всех бед. А вдруг и его маленькой беде таблетка поможет?

Хорошо, что Алина хранила свои неприкосновенные запасы лекарств в его квартире, доползти до ближайшей аптеки Ян бы, пожалуй, не смог. Он торопливо перетряхнул аптечку, отбросил в сторону пузырек с валерьянкой, с вожделением наркомана в ломке выудил аспирин, вытряхнул на ладонь сначала одну таблетку, а потом после недолгих раздумий и вторую.

Аспирин был горьким и мерзким на вкус — «химия»! — но Ян проглотил его одним махом, даже водой запивать не стал. Все, теперь уж точно должно полегчать. А чтобы ускорить процесс, надо лечь, закрыть глаза и попытаться уснуть. Нет лучшего лекаря, чем хороший глубокий сон. Яну удалось уснуть — ничего удивительного после бурно проведенной ночи, — но проснулся он все с той же головной болью...

Вечером пришла Алина, не без злорадства понаблюдала за его мучениями, приготовила ванну, сварила крепкий кофе, заставила выпить еще одну таблетку аспирина.

Ян лежал в горячей, благоухающей тропическими фруктами воде и пытался убедить себя, что

жизнь — прекрасная штука. У него есть любимая работа, денежная и, что немаловажно, интересная, лучший друг Шурик, готовый прийти на помощь по первому же зову, и подружка Алина, не задающая лишних вопросов, готовящая замечательный кофе и прекрасно разбирающаяся в обезболивающих препаратах...

К ночи Яна немного отпустило, он даже попробовал поработать. Но стоило только посмотреть на монитор компьютера, как головная боль тут же напоминала о себе весьма ощутимым уколом в висок. О работе пришлось забыть. И о том, что он настоящий мачо, тоже пришлось забыть: даже невинная попытка поцеловать Алину отдавалась в голове набатным звоном. В общем, из-за какой-то ерунды жизнь дала трещину...

Ян даже представить себе не мог, как все обернется. Не мог подумать, что банальная головная боль может пустить под откос всю его налаженную и привычную жизнь. На следующий день похмелье прошло, а боль никуда не делась. И через день, и через неделю... А через месяц Ян научился приспосабливаться. Теперь он не хуже, а то и лучше Алины разбирался в обезболивающих. Эмпирическим путем пришел к выводу, что чашка крепкого кофе может заглушить боль на тридцать минут, а пятьдесят граммов коньяку — аж на два часа, но потом, когда эти благословенные два часа пройдут, станет еще хуже. Теперь он знал, что лучше встать до шести утра, а не валяться в постели до восьми, потому что в противном

случае весь день придется маяться от приступов мигрени.

Теперь он знал, что то, что с ним стряслось, называется мигренью. Слово красивое, а суть мерзейшая. Ян даже дошел до того, что предпринял попытку проконсультироваться по поводу своей хвори в Интернете, но оказалось, что врачи-консультанты заочно выносить вердикт отказываются, требуют выслать результаты обследований. А откуда взять эти результаты, если он в больнице не был с восемнадцати лет и боится этих самых обследований как черт ладана?! Зато народ в Сети обитал понятливый и сердобольный. Яна завалили советами. Кое-что, самое безобидное, он попробовал воплотить в жизнь. Поставил кровать изголовьем на восток, чтобы не мешать потоку «правильных» энергий. Подушку набил хмелем и лавандой, полдня потратил на поиски этого зелья. По совету бывалых прикупил чудесный и жутко дорогой китайский эликсир, «возвращающий здоровье и приумножающий мужскую силу». Мужскую силу эликсир, пожалуй, и в самом деле приумножил, да что толку, если силушку эту применить на практике не было никакой возможности из-за адской головной боли?! Получалось не лечение, а сплошное мучение, когда глаз видит, да зуб неймет.

Алина сначала к его «минутной слабости» относилась с пониманием, сочувствовала, по голове гладила, ждала, когда «все пройдет». А оно все не проходило, и боевая подруга захандрила, однажды даже отважилась упрекнуть Яна в сознатель-

ном уклонении от супружеского долга. Яна это тогда не то чтобы очень обидело, но насторожило, впервые заставило задуматься об искренности и глубине чувств. Всего на каких-то пару месяцев вышел из строя, и вот, пожалуйста, — обвинения и необоснованные упреки.

Если с неразберихой в личной жизни еще можно было как-то мириться, тешить себя надеждой, что все наладится и станет как прежде, то бизнес подобных проволочек не терпел. Вернее, терпел, конечно, но до поры до времени, и нужно было во что бы то ни стало взять себя в руки и разрубить этот гордиев узел, пока не поздно.

На выручку, как всегда, пришел верный друг Шурик.

— Немиров, и долго ты собираешься маяться ерундой?

В тот день выдался один из немногих «светлых промежутков», когда голова почти не болела, а на горизонте брезжила робкая надежда, что все само собой рассосется. Они сидели в маленьком чешском ресторанчике, Шурик баловался «Бехеровкой», а Ян — о, позор! — потягивал молочный коктейль.

— Коктейль — это не ерунда, это вкусно и полезно, — попытался отшутиться он.

— Я не о коктейле, я о твоей мигрени.

— А что моя мигрень?

— С ней надо что-то срочно делать.

— Я и делаю.

— Спишь ногами на восток?! — ехидно поинтересовался Шурик.

— Головой, — уточнил Ян.

— Ага, головой на восток! А еще пьешь варево из крокодильего помета.

— Если ты намекаешь на китайский эликсир, то там нет никакого крокодильего помета, там исключительно растительные компоненты.

— Да бог с ними, с компонентами, — Шурик вдруг нахмурился. — Немиров, тебе пора всерьез взяться за свое здоровье.

— У тебя есть предложение? — Ян допил коктейль, грохнул бокалом о стол.

— Есть, и не одно.

— Излагай.

— Для начала надо обследоваться.

— Зачем?

— Чтобы узнать, что у тебя болит.

— Я знаю, что у меня болит. У меня болит голова.

— А отчего она у тебя болит, ты знаешь?

— От переутомления и хронических стрессов.

— Немиров, кого ты пытаешься обмануть? — Шурик неодобрительно покачал головой, поправил сползшие на нос очки, сказал: — Значит, так, я уже обо всем договорился.

— О чем ты договорился? — насторожился Ян.

— Завтра идем делать тебе ядерно-магнитный резонанс.

— Какой-какой резонанс? — Слово «резонанс» еще с уроков физики вызывало в душе Яна активный протест.

— Это такое обследование. Ну, типа просветят твою башку и сразу все увидят, — пояснил друг.

— Что именно увидят?

— Да все! Сосуды, мозги, если они у тебя, конечно, есть. Что-то я последнее время в этом очень сильно сомневаюсь.

— А еще что? — Ян почувствовал неприятный холодок в животе.

— Ну, проблемы там всякие. Я ж не врач.

— Какие проблемы? Опухоль? — Слово сорвалось с губ, свинцовым шаром покатилося по столешнице, брякнулось о гранитный пол и рассыпалось на сотни мелких шариков.

Вот он и сказал то, о чем думал все эти дни и месяцы, то, чего подспудно боялся и из-за чего не хотел обследоваться. У молодого мужика голова не болит ни с того ни с сего. Должны быть причины...

— Ну почему сразу опухоль?! — замахал руками Шурик. — Что, других болезней мало?!

— Да, есть еще СПИД. — Холодок в животе усилился.

— Вот за что я тебя, Немиров, люблю, так это за неисправимый оптимизм! — Друг плеснул себе еще «Бехеровки». Пара капель упала на кипенно-белую скатерть, оставляя на ней некрасивые бурые кляксы. — Кстати, ты еще забыл упомянуть чуму и лихорадку Эбола. Ладно, Ян, не паникуй раньше времени, завтра в десять я за тобой заеду.

* * *

Шурик явился ровно в десять утра. Еще один тревожный признак — друг никогда не отличался пунктуальностью и умудрялся опаздывать даже на деловые переговоры, а тут такая точность.

— Готов? — Он, не здороваясь, протиснулся мимо Яна.

— А надо было как-то по-особенному готовиться? — Неожиданно для себя Ян испугался, что назначенное обследование может сорваться из-за того, что он не выполнил каких-либо подготовительных манипуляций. В конце концов, ночь не спал, настраивался на предстоящую экзекуцию, а тут Шурик со своим «готов»...

— Да нет, там главное требование, чтобы тело весило не больше центнера.

— Чье тело?

— Твое! Чье ж еще?! — Шурик окинул его оценивающим взглядом, спросил: — Ты сколько вешишь, Немиров?

— Килограммов восемьдесят вешу.

— Ну, тогда никаких проблем!

Хорошо другу говорить — никаких проблем. Ян шкуркой чувствовал, что проблемы будут. Вот как только он посмотрит правде в лицо, согласится на обследование с жутковатым названием ЯМРТ, так и начнутся настоящие проблемы. Вернее, проблемы уже есть, но пока они безымянные, можно считать, что все это понарошку и вовсе даже не с ним происходит. В голове мелькнула упадническая мыслишка: а не послать ли все к черту? И Шурика, и его ЯМРТ! Несколько секунд Ян рассматривал этот вариант очень серьезно и пристально, но потом отмел как неконструктивный. Во-первых, от Шурика так просто не отцепишься, а во-вторых, Ян — мужик, а не тварь дрожащая, что ему какое-то там обследование?..

— Это оно? — Ян с затаенным ужасом рассматривал машину, занимающую едва ли не половину просторной комнаты.

— Это магнитно-резонансный томограф. — Врач, с виду молодой и не слишком опытный, устало улыбнулся, видать, надоело отвечать на глупые вопросы.

— И мне туда? — Ян кивнул на машину.

— Да.

— Надолго?

— Минут на двадцать.

Ян поежился:

— Что-то холодновато тут у вас.

— Это кондиционер, аппаратура требует специального температурного режима.

Вот оно как: это чудо техники, похожее на сильно модернизированный саркофаг, требует особого режима, а ему, Яну, нужно всего лишь нырнуть в его хромированное чрево...

— Вас укуроют пледом, — врач по-своему расценил его заминку, — холодно не будет.

— А результаты когда? — От мысли, что его перед загрузкой в машину завернут в плед, стало совсем худо.

— Почти сразу же. Подождете полчаса — и будут вам результаты. Ну, прошу вас, господин Немиров!

Изнутри машина не понравилась Яну еще больше, чем снаружи. Вдруг оказалось, что клаустрофобия — это реальная проблема, а не выдумки психиатров. Особенно когда у тебя нет возможности пошевелиться, а в уши льется размеренное

пощелкивание, похожее на звук метронома. Внутри махины время, казалось, текло по-другому. Ян сначала пробовал считать про себя, но постоянно сбивался из-за дьявольского метронома. В конце концов он махнул рукой на это неблагодарное занятие и решил просто расслабиться. Не с первой и не со второй попытки, но у него получилось, и к концу обследования он чувствовал себя почти нормально. Легкая дрожь в пальцах не в счет.

Когда Ян наконец выбрался из «саркофага», оказалось, что Шурик ушел.

— Ваш друг просил передать, что отлучился по неотложным делам. — Молоденькая медсестра улыбалась Яну дежурной вежливой улыбкой.

Надо же, отлучился по неотложным делам! Дезертир несчастный! А Яну что теперь делать одному? Он вытер взмокшие ладони о брюки. Ну и хрен с Шуриком! Он как-нибудь сам разберется с этим дьявольским обследованием. Подумаешь, сложность — выслушать диагноз! Даже любопытно узнать, что у него там в черепушке.

Ян бродил по гулкому больничному коридору, то и дело поглядывая на часы. Врач сказал, что подождать нужно всего полчаса, а прошло уже сорок пять минут. Что же они там так долго? Что такое интересное обнаружилось у него в мозгах? Ему вдруг нестерпимо захотелось курить. Два года не хотелось, а теперь вот — пожалуйста. И Шурик, как назло, слинял по неотложным делам...

Из врачебного кабинета выпорхнула все та же молоденькая медсестра. Ян рванул ей навстречу.

— Ну, как там? — Ему очень хотелось, чтобы голос звучал не слишком заинтересованно и без заискивающих ноток. В конце концов, он взрослый мужик, уважаемый бизнесмен, грех ему волноваться, словно желторотому мальчишке.

Медсестра улыбнулась все той же вежливо-профессиональной улыбкой, сказала:

— Еще пару минут, пожалуйста. Доктора совещаются.

Сердце оборвалось и ухнуло куда-то вниз. Доктора совещаются! Это что ж они так долго совещаются?! И вообще, если это банальное обследование, как утверждал Шурик, то зачем вообще совещаться?! Выдали результаты — и все дела...

Медсестра обошла его по большой дуге, словно прокаженного, звонко зацокала каблучками по выложенному каменными плитами полу, а Ян остался стоять перед приоткрытой дверью. Из помещения доносились мужские голоса. Голоса о чем-то спорили. Ян воровато оглянулся — в коридоре не было ни единой живой души, — прижался взмокшей от пота спиной к стене, аккуратно возле двери. Голоса стали громче.

— ...Ну и что, что клиника нетипичная? А ты не смотри на клинику, ты смотри на томограмму. Видишь?

— Вижу. И что теперь? К нейрохирургу?

— Можно, конечно, и к нейрохирургу, только он не поможет, опухоль неоперабельная, уж больно локализация неудачная. Мужик-то хоть пожил?

— Какое там пожил?! Тридцатник только-только разменял.

— Да, жалко парня, смертный приговор в тридцать лет.

— Как думаешь, сколько ему осталось?

— Да кто ж знает? Месяц-другой максимум...

Коридор закачался и «поплыл», чтобы не упасть, пришлось ухватиться руками за стену. Вот и приехали... Вот тебе и банальная головная боль... Месяц-другой — это все, что оставила ему чертова опухоль... Это его лимит... А ему только тридцать, и планов на жизнь громадь: подписать договор с финнами, прыгнуть с парашютом, Алину свозить в Париж... Ничего не будет, потому что у опухоли неудачная локализация и жить осталось пару месяцев...

Ян оттолкнулся от стены, пошатнулся, точно пьяный, побрел по коридору. Любопытство сгубило кошку, так любила говаривать его бабушка. Его тоже сгубило любопытство. Не будь он таким нетерпеливым, не сунь свой нос куда не следует, возможно, прожил бы оставшиеся месяцы в блаженном неведении, с мыслью, что его лечат от мигрени. Ведь не сказали бы ему прямо в лоб, что у него опухоль мозга, попытались бы смягчить удар, завуалировать жестокую правду, и не было бы сейчас так больно и страшно, и умер бы он почти счастливым...

Машина не желала слушаться: сначала не хотела открываться, потом заводиться. Может, чувствовала, что этот хозяин у нее ненадолго, вот и бунтовала? Ян врубил радио на полную мощность, просто затем, чтобы избавиться от роящихся в голове мыслей, тронулся с места.

Куда теперь?

А никуда! Спешить некуда, да и незачем. За него уже все решили...

Или все-таки в какую-нибудь крутую клинику на повторное обследование?

Пустое! Сказано же — опухоль неоперабельная. Неоперабельная — это значит не поддающаяся лечению. Так зачем гробить последние месяцы жизни на обследования и больницы?

Тогда, может, в церковь? Вымолить индульгенцию, подать прошение о помиловании? Только ведь вряд ли станут рассматривать индульгенцию от него, махрового атеиста, когда в очереди за чудом полно истинно верующих.

Машина тронулась с места. Плохо, что автомобиль — это не лошадь. Была бы лошадь, он бы отпустил поводья, все равно ведь податься некуда. А так приходится делать выбор самому, маленький выбор — куда поехать?..

* * *

...А ведь закатное небо — это красиво! Тучи, подсвеченные изнутри розовым. Солнечный диск, не агрессивно-яркий, а устало-красный. И само небо — фиолетовое, как на детских рисунках. А на фоне всего этого великолепия — черным силуэтом старый мост, громадина из железа и бетона, издавна ажурная, почти невесомая, а вблизи массивная, уродливо урбанистическая. На перилах моста — черная птица...

Ян тряхнул головой, всмотрелся. Нет, это не черная птица, это красна девица. Он усмехнулся

новорожденному каламбуру. Последнюю пару часов Ян почти все время улыбался: идея напиться оказалась очень удачной. Теперь было почти не больно и совсем не страшно. Теперь можно рассмотреть и оценить такие поразительные вещи, как закатное небо и старый мост, и готовящуюся взлететь девушку-птицу на перилах. Интересно, она и в самом деле думает, что у нее получится? Солнце — очень капризный любовник, оно опалило крылышки не одной самоуверенной пташке...

Ян заглушил мотор, вышел из авто. Теперь, после того как он влил в себя приличную дозу коньяка, машина слушалась его беспрекословно, заводилась с полоборота, лихо вписывалась в любой, даже самый крутой, поворот. Ян проверял — с крутыми поворотами. Когда точно знаешь, сколько тебе отмерено, легко быть смелым и безрассудным. И мысль, что на ближайшую пару месяцев ты неуязвим, больше не кажется такой уж иррациональной. Это что-то вроде негласного договора со смертью. Ты ей — свою молодую жизнь, она тебе два месяца неуязвимости и безнаказанности. Не плохой, в общем-то, обмен, почти справедливый.

На мосту было прохладно, наверное, из-за ветра. Почему-то на всех мостах дует ветер — такая вот природная аномалия. А еще смотреть с моста на воду страшно, речка кажется бездонной и живой, особенно на закате. Вода черная и вязкая, как смола. Если девочка-пташка ошибется в своих расчетах и сиганет не вверх, а вниз, реке будет чем поживиться. Ян ускорил шаг, чтобы не пропустить момент взлета.

Вблизи девушка еще больше походила на птицу, большую, нахохлившуюся черную птицу. Черная кофта, черная юбка до колен, смешные полосатые гольфы, грязные кеды, огромная холщовая торба через плечо, растрепанные волосы, тонкие руки, плетями висящие вдоль тщедушного тела. У перил почти пустая бутылка дешевого виски, надо понимать, топливо для взлета. Дислокация девочки-пташки была очень неудачной, подуй ветер чуть посильнее — и ее просто снесет с моста. Может, она того и добивается, как парапланерист ловит попутный поток? Тогда нужно снять торбу, торба — это балласт.

Ян облокотился о перила, прямо рядом с грязными кедами и торчащими из них декадентскими полосатыми гольфами, сказал, глядя на затухающий небосклон:

— Сумочку бы лучше снять.

Девочка-пташка покачнулась от неожиданности, посмотрела на него сверху вниз, спросила сварливо:

— Зачем?

— Чтобы не мешала.

— Она мне не мешает.

— А, ну тогда извини.

Они немного помолчали. Ян вглядывался в невидимую линию горизонта, девчонка маялась на перилах. Она не выдержала первой:

— Что ты тут стал?!

— Жду. — Он совсем не обиделся, разве можно обижаться на девочек-пташек?